

— Я возьму ту, — сказал Сириус.

Он прервал разговор очень резко.

Голос был негромким, но звучал твёрдо. Ни колебаний, ни сомнений, он даже не взглянул на ту пластинку, что выглядела похуже.

Кролла замерла. Она бросила на него быстрый взгляд.

Сириус не смотрел на неё. Он уставился туда, куда указывал палец продавца — на ту самую пластинку, лежащую на самом дне, в конверте со слабым круговым разводом от воды.

Выражение его лица было совершенно спокойным, таким спокойным, будто он говорил: Я сегодня ел на обед сэндвич. Но рука, только что державшая пластинку, рядом с ним едва заметно раскрылась и снова сжалась в кулак.

Он уступал.

Причём способом, которым совершенно не умел пользоваться.

Кролла отвела взгляд. Она подняла целую пластинку, и конверт с изображением горящей бас-гитары обжёг ей ладонь.

— Спасибо, — произнесла она.

Как два игрока, сыгравшие партию, пожавшие руки и разошедшиеся каждый своей дорогой.

Сириус поджал губы.

Его слегка смутила эта её непринуждённость — хотя он и сам не мог толком объяснить, почему именно смутилась.

Он отвёл глаза, забрал у продавца другую пластинку и расплатился. Движения были быстрыми, словно ему хотелось поскорее покончить с этим делом.

Они вышли с рядов с пластинками, шагая бок о бок.

Главный проход ярмарки был куда более запружен, чем пару минут назад, и навстречу им шла женщина, толкавшая детскую коляску.

Кролла качнулась в сторону, чтобы пропустить её, Сириус тоже шагнул вбок — оба одновременно подались в одну сторону, а затем синхронно сдвинулись в другую.

— Ты не могла бы...

— Ты...

Их голоса наложились друг на друга, как две переплетённые мелодические линии.

— ...Говори ты первым, — сказал Сириус.

— Ничего, — ответила Кролла. — Главное — не ходи за мной.

— Я не иду за тобой.

— Тогда чего ты тащишься по левую от меня сторону?

— Эта дорога что, односторонняя?

Кролла поперхнулась.

Она приоткрыла рот, собираясь возразить, но поняла, что у неё действительно нет для этого никаких причин.

Она фыркнула, решительно крутанулась на месте, и её шаг резко ускорился.

На плече у неё висел чехол с бас-гитарой, и стоило ей сделать резкое движение, как гитарный кофр по инерции качнулся назад...

Хбысь.

Не сильно и не слабо — ровно настолько, чтобы врезаться Сириусу в руку.

Угол чехла пришёлся прямо по бицепсу, заставив его отпрянуть в сторону.

Он шумно втянул воздух и тихонько охнул, в этом звуке слышалось застигнутое врасплох замешательство и капелька мальчишеской досады.

— Эй!

Кролла не оглянулась.

Она услышала его голос, но шаг не замедлила ни на секунду.

Зато уголки её губ неудержимо и незаметно дрогнули в улыбке.

Не успела она пройти и нескольких шагов, как шнурок на левом ботинке окончательно сдался.

Этот чёрный, завязанный наспех шнурок змейкой выскользнул из дырочек, устало повис на подъеме, волочась по каменной плитке, и тут же был прихвачен её же правым ботинком.

Кролла остановилась. Она опустила взгляд на злосчастный шнурок и слегка нахмурилась.

Она присела на корточки.

Она испокон веков не умела завязывать шнурки.

Звучало это невероятно — человек, способный выдавать на басу шестнадцатые ноты, чьи пальцы обладали такой гибкостью, что вытворяли на струнах любые виртуозные трюки, совершенно не справлялся с двумя шнурками.

Её пальцы суетливо кружили над шнурками: петля влево, петля вправо, затянуть — нет, получился глухой узел.

Она развязала его и принялась заново. Какую фигуру она сейчас изобразила? Бабочку? Ни капли не похоже.

Уши зайца? Тоже не особо. Скорее уж клубок шерсти, с которым поиграла кошка.

Она с досадой дёргала их туда-сюда, развязывая и снова путая.

Личико слегка напряглось, губы превратились в тонкую линию, а между бровей залегла крошечная складка.

Она сидела на корточки прямо посреди дороги, подол чёрной толстовки волочился по плитам мостовой, а гитарный кофр прислонился к её колену, словно молчаливый чёрный друг, наблюдающий за происходящим со стороны.

Пока она отчаянно сражалась со шнурками, сбоку внезапно упала тень.

Кролла замерла на полуслове.

Она уловила запах.

Это был не луковый дух от палатки с хот-догами, и не привычный для ярмарки застоявшийся, тяжёлый запах пыли.

Это был свежий, чистый аромат холо кедр, смешанный с едва уловимым шлейфом хорошего мыла. Очень приятный. Дорогой.

Создавалось впечатление, что он прибыл из какого-то фешенебельного места.

Она не поднимала головы. Но прекрасно знала, кто это.

Этот человек ничего не сказал.

Он просто молча опустился на корточки рядом с ней.

Его рука замерла прямо над её спутавшимся в узел шнурком.

Последнее солнце падало на их переплетённые тени, пальцы Кроллы застыли посреди беспорядка из шнурков, а сердце почему-то пропустило удар. Что он собирается делать?

<http://bllate.org/book/22381/2348023>